

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(57)

DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-84-98

«КОЛОНИИ-КОММУНЫ» ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ, 1905–1917 гг.

© Д.А. Бакшт

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89.

В статье предметно исследованы добровольные объединения административно-высланных и сосланных по суду «политических ссыльных» в форме «колоний-коммун» в период между Первой русской революцией 1905–1907 гг. и Февральской революцией 1917 г. Такие общины рассматриваются как один из институтов социального вспомоществования, порожденные революционным движением в России конца XIX – начала XX вв. Изучены разновидности организационного процесса, предлагается классификация «колоний-коммун». Приведены основные источники, пополнявшие фонды поддержки этих общин. Определены перспективы дальнейших исследований в рамках исследуемой темы.

Ключевые слова: политическая ссылка, Сибирь, благотворительность, социальное вспомоществование, Первая русская революция 1905–1907 гг.

Формат цитирования: Бакшт Д.А. «Колонии-коммуны» ссыльнопоселенцев Сибири как институт социального вспомоществования, 1905–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 84–98. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-84-98

“COLONIES-COMMUNES” OF SIBERIAN EXILES AS AN INSTITUTE OF SOCIAL WELFARE, 1905–1917

© D.A. Baksht

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
89 Adi Lebedevoy Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation

In the proposed article the “colonies-communes” – the unions of administratively-displaced persons and “political exiles” were studied in the period between the First Russian Revolution of 1905–1907 and the February Revolution of 1917.

Such communities are regarded as one of the institutions of social welfare generated by the revolutionary movement in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The types of organizational process are studied and classification of “colonies-communes” is proposed. The main sources that replenish the communities’ funds of support are given. Prospects for further research within the framework of this topic are determined.

Keywords: political exile, Siberia, charity, social welfare, First Russian Revolution 1905–1907

For citation: Baksht D.A. “Colonies-Communes” of Siberian Exiles as an Institute of Social Welfare, 1905–1917. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2017. Vol. 13. No. 3. Pp. 84–98. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-84-98

Проблемы складывания общностей между лицами, к которым была применена мера наказания в форме ссылки на поселение по суду и в административной высылке (ссылки в широком смысле слова) в императорской России привлекали внимание исследователей. Об общинах в пенитенциарной системе в условиях Сибири начали размышлять до падения самодержавия (Н.М. Ядринцев, А.В. Пешехонов и другие).

Несмотря на связь данной темы с более общей тематикой общественно-политического движения, только некоторые советские исследователи скрупулезно и комплексно рассматривали данный аспект (Н.Н. Щербаков, Хазиахметов, М.Ф. Богданова). Ими была предпринята попытка установить социологический портрет «политического ссыльного» и общую динамику численности. Организация объединений ссыльных в Сибири рассматривалась, прежде всего, как один из доступных этой группе лиц методов борьбы с монархическим режимом.

В связи с общественно-политической конъюнктурой теме ссылки стало уделяться меньшее внимание, чем прежде. Однако тема получила свое развитие в основном в исследованиях сибирских историков ссылки (Э.Ш. Хазиахметов, А.А. Иванов, А.Ф. Букин, В.В. Кудряшов и др.). Примечательно, что нелегальные союзы и объединения ссыльных остаются неучтенными у тех исследователей, которые занимаются проблемами становления и развития институтов гражданского общества в поздней имперской России (Туманова А.С., 2008).

Т.А. Катцина затрагивала проблему изучения системы благотворительной помощи ссыльным, но ее предметом изучения были легальные институты и уголовные ссыльные (Катцина Т.А., 2013. С. 204–207), а также административно-высланные с прифронтовых территорий европейской части Российской империи (Катцина Т.А., 2010. С. 5–16).

Современная зарубежная историческая наука слабо касается вопросов ссылки, за

редким исключением (напр.: Phillips B., 2016). Заметным вкладом в изучение темы является труд британского историка С. Бэдкок (англ. – *Sarah Badcock*), который посвящен различным сторонам жизни ссыльных на основе значительной источниковой базы, в том числе рассматриваются материальные условия их пребывания в Сибири (Badcock S., 2016).

Целью настоящей статьи является рассмотрение добровольных объединений ссыльных в Сибири в межреволюционный период (1907–1917 гг.) в качестве одного из институтов социального вспомоществования, сформированного в ходе социально-политических процессов конца XIX – начала XX века.

В тексте рассмотрены «колонии» ссыльных Сибири как обозначение добровольных объединений ссыльнопоселенцев, осужденных за «политические» преступления, предусмотренные статьями 99–137 Уголовного уложения 1903 года и административно-высланных (Уголовное уложение, 1903. С. 21–31).

Рассматриваемый период ограничен временными рамками от начала Первой русской революции 1905–1907 гг. до начала Февральской революции 1917 г. Межреволюционный период характеризуется, во-первых, резким увеличением количества ссыльных; во-вторых, значительным преобладанием среди ссыльных лиц из неприлежированных сословий; в-третьих, расширением и совершенствованием репрессивных практик, которые были спровоцированы массовыми выступлениями на территории всей страны. Кроме того, период после 1905 г. характеризуется исследователями как развитие благотворительности, приобретшей массовый характер (Кандаурова Т.Н., 2016. С. 61).

Базовым понятием, которым оперировали современники для обозначения таких объединений ссыльных, была «колония», несколько позднее – «коммуна».

В исследовательской литературе достаточно много значений слова «колония». Чаще всего оно использовалось для обозна-

чения процесса добровольного систематического хозяйственно-экономического освоения определенных пространств: «немецкие колонисты»; «колонизация» Сибири и Дальнего Востока (Головнев А.В., 2015; Ремнев А.В., 2013).

Однако имеется и негативная коннотация, связанная с назначением наказания за преступления (так называемая «штрафная колонизация»). Неоспоримо, что ссылка как явление носила в себе не только уголовный, но и колонизационный характер (Нам И.В., 2009. С. 42).

В настоящее время «колония-поселение» в системе исполнения наказаний определяется конкретным регламентированным правовым институтом, закрепленным в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В начале XX века в российском праве понятие «колония» отсутствовало, но использовалось в качестве полуофициального обозначения любой концентрации лиц по какому-либо признаку, имеющему регулярный характер. Согласно Уставу о ссыльных редакции 1909 г. ссылка подразделялась на два вида: ссылка в каторжные работы и ссылка на поселение (Устав о ссыльных, 1912). Схожим по реализации со ссылкой на поселение являлся институт административной высылки. Учитывая специфику каторги и каторжных тюрем, общности ссыльных и высланных на поселение имели значительные отличия.

Однако дисперсный характер размещения мест водворения ссыльных не был желаемым имперскими чиновниками. Имеются сведения о проекте создания «колонии» для политических ссыльных в Якутии как концентрированного района расселения административно высланных лиц с целью их хозяйственной деятельности (1878 г.) (Казарян П.Л., 1999. С. 43). Также в Сибири существовало несколько постоянных «колоний», отведенных для ссыльных лютеран.

Несмотря на то, что практика ссылки и административной высылки в Сибирь показала, что для полноценного надзора требу-

ются внушительные ресурсы, в высшей имперской бюрократии вплоть до падения монархии витали идеи организации ссылки на поселение в форме «штрафных колоний» в наиболее отдаленных уездах сибирских губерний (Особые журналы..., 2009. С. 93).

Ссылные в период массовых выдворений в годы Первой русской революции и несколько лет спустя после ее завершения имели возможность достаточно свободно передвигаться в рамках определенных им сибирских уездов. Это было вызвано, прежде всего, слабостью надзора за ними со стороны малочисленного и плохо финансируемого карательного аппарата в провинции в совокупности со слабо развитой транспортной инфраструктурой.

В этих условиях на фоне массовой политизации российского общества начала XX века в масштабах всей сибирской политической ссылки стали зарождаться «колонии» или «коммуны» ссыльных. К причинам их создания можно отнести следующие:

а) социально-политические: в условиях изоляции от основных центров оппозиционного движения ссыльным было крайне необходимо найти единомышленников;

б) социально-нравственные причины (по выражению А.В. Пешехонова): ссыльным было важно воплотить на практике их идеалы публичной сферы (Иванов А.А., 2013. С. 104);

в) слабость надзора со стороны органов государственной власти (Букин А.Ф., 2015. С. 43);

г) слабость финансового обеспечения жизнедеятельности поднадзорных со стороны государства (Иванов А.А., Новиков П.А., 2014. С. 72; Кудряшов В.В., 2004. С. 25) При этом трудоустройство выдворенных было затруднительно в сельской местности со слабой плотностью населения и сложными климатическими условиями.

д) неразвитость и недостаточность мер государственного социального вспомоществования («презрения»), которые были предусмотрены лишь для неспособных к

работе в форме определения в специальные учреждения. Такие учреждения финансировались из казны (статья 157 Устава о ссыльных) посредством «экономического капитала» – специального финансового фонда (статья 159 Устава о ссыльных) в распоряжении региональных тюремных комитетов. При этом имелись примеры недостаточности государственной поддержки даже детских приютов (Badcock S., 2016. С. 101) Это повышало значимость участия в «колониях-коммунах» некоторых слабозащищенных групп, например, женщин (Максимова В.Н., 2013. С. 141).

Таким образом, практика создания подобных объединений в межреволюционный период 1907–1917 гг. получила значительное развитие. По данным Н.Н. Щербакова, они были организованы не менее чем в 164 населенных пунктах Сибири (Щербаков Н.Н., 1987. С. 33). В.В. Кудряшов полагает, что «колонии-коммуны» существовали везде, где находилось не менее трех лишенцев (Корелин А.П., 2009. С. 245). Можно согласиться с таким мнением, однако «колония-коммуна» будет играть роль института социального вспомоществования лишь тогда, когда имеется более многочисленная организация, определенный финансовый ресурс и механизм его распределения.

Классификацию «колоний-коммун» можно провести по следующим критериям:

1. Объединения по политико-партийной принадлежности (сближение «колоний» с первичной партийной организацией или наоборот отход от категоричной демаркации по политико-партийной принадлежности).

Политико-партийное размежевание массового революционного движения, явно проявившееся во время Первой русской революции 1905–1907 гг., еще не было окончательным. Упрощение политических концепций для доступного восприятия делали границы между отдельными группами (в особенности левого спектра – социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты) нечеткими и весьма условными.

Сибирская политическая ссылка отражала этот процесс, который проявлялся двумя путями:

а) созданием объединений по партийному признаку, колонии – первичной партийной организации;

б) созданием внепартийных объединений ссыльных.

Имеются немногочисленные примеры, зафиксировавшие развитие внепартийной «колонии-коммуны» в масштабах отдельной местности.

В Тобольской губернии достаточно рано развиваются подобные тенденции: уже в июне 1906 года прошел I съезд ссыльных Тобольской губернии, а в сентябре того же года – III съезд (Хазиахметов Э.Ш., Букин А.Ф., 2002. С. 13). При этом одним из первых вопросов было вспомоществование нуждающимся ссыльным, коих по результатам анкетирования ссыльных из 26 «колоний-коммун» губернии оказалось 58 %. В 1908 году подобное мероприятие зафиксировано в Туруханском крае Енисейской губернии: первый и единственный съезд политических ссыльных края прошел в селе Верхне-Инбатском при представительстве 29 крупных «колоний-коммун».

В 1909 году в Нижнем Приангарье (Казачинская, Вельская, Еланская и Анциферовская волости Енисейской губернии) был организован «Беспартийный союз политических ссыльных на Ангаре» [Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 830. Оп. 1. Д. 45. Л. 11об.; Водолазский А.Т., 1928. С. 160), в 1910 г. разгромленный полицией (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–1 об.). Организация была достаточно многочисленной, имела в своем распоряжении гектограф, на котором под руководством социал-демократа Г.С. Вейнбаума в селе Челбышевском печатался журнал «Тайга». Кроме того, были установлены устойчивые связи с Енисейском, что позволяло пополнять кассу взаимопомощи и библиотечный фонд (Логвинов В.К., 1950. С. 43). Повторно организовать съезд «колоний-коммун» Енисейского уезда удалось лишь весной 1916 года, но тогда на повест-

ке были политические вопросы (Хазиахметов Э.Ш., 1979. С. 99).

В Канском уезде Енисейской губернии к середине 1916 г. имелась лишь социал-демократическая организация ссыльных из 7 «колоний-коммун» уезда (136 человек), которые также организовали собственный съезд (Протопопов К., 1928. С. 131–132).

В 1907–1913 гг. в Нарымском крае Томской губернии также существовала некая «беспартийная организация» ссыльных, в дальнейшем расколовшаяся по партийному признаку на три независимые группы (Макарчук С.В., 2005. С. 107; Свердлова К.Т. [Электронный ресурс]).

Во всех случаях органом управления подобной «федерации колоний ссыльных» выступало коллегиальное Центральное бюро, избравшееся из числа делегатов первого съезда в составе трех человек (в Приангарском союзе 1916 г. – «правление корпорации ссыльных» (Пузанов Д., 1928. С. 135)). Один из членов этого органа назначался хранителем кассы взаимопомощи, другой – председателем органа, отвечавшим за организацию и протоколирование принятых решений. Приангарский союз ссыльных 1909 г. организовал промежуточные органы – волостные бюро (Водолазский А.Т., 1971. С. 131). Органами управления «колониями-коммунами» являлись коллегиальные «бюро». Известно, что в Нарымском крае Томской губернии практически в каждой «колонии» имелись свои подобные органы.

Для подобных организаций характерно стремление к формализации деятельности, максимальному охвату ссылки и попытка преодоления социальных, национальных и политических противоречий. Однако интеграционные процессы нарушались, главным образом, размежеванием по политико-партийной принадлежности и проявившемуся индивидуализму в вопросе распределения ресурсов и нежеланию подчиняться не только представителям власти, но и неформальной общности.

Анархисты, отбывавшие наказание в сибирской ссылке, стояли особой общностью по политико-партийному признаку.

Представители этой, сравнительно немногочисленной группы, слабо участвовали в беспартийных «колониях-коммунах» и кассах взаимопомощи. Более того, за исследуемый период имеется несколько примеров их дезинтеграционной деятельности. Так, например, на Верхне-Инбатском съезде представителей «колоний-коммун» 1908 г. они составили группу противников принятых решений, а в селе Сумороково Туруханского края образовали самостоятельную «коммуну» в противовес «колонии», где преобладали социал-демократы во главе с Я.Ф. Тиллоком (Ермаковский Д.И., 1930. С. 15).

В 1914 г. в Верхоленском уезде Иркутской губернии была организована конференция ссыльных анархистов, где была принята резолюция по призыву ссыльных анархистов выходить из обществ, объединений и касс взаимопомощи; формировать отдельную кассу взаимопомощи при организуемой «Федерации групп анархистов-коммунистов ссыльных Сибири» (Хазиахметов Э.Ш., 1979. С. 102). Заметим, что анархисты в своих идеях по организации сепаратного института взаимопомощи не продвинулись далее осуществлявшейся в те годы практики ссыльных, за исключением переименования центрального органа управления из «центрального бюро» в «секретариат» (с той же общепринятой численностью – три человека). Подобная организация просуществовала не более нескольких месяцев, так и не начав работать из-за арестов полиции.

Существует мнение, что анархисты не были активными в создании и деятельности институтов взаимопомощи ссыльных вследствие некоего отрешения от собственных интересов в жертву интересам революционного движения (Чувашова Е.И., 1995), но это их явная идеализация.

К началу Первой мировой войны, в связи с повышением эффективности деятельности территориальных органов Департамента полиции МВД, значительная часть ссыльных в сибирских городах и сельской местности стали концентрироваться в по-

требительских кооперативах (Шиловский М.В., 2015. С. 249).

Потребительская кооперация и российское кооперационное движение в рассматриваемый период находились под пристальным наблюдением МВД и вызывали подозрения в нелояльности к монархии. Этому способствовало как опасение чиновников к любой общественной инициативе, способной объединять значительные массы людей, так и внимательное отношение к кооперации со стороны политических групп либералов и левых (Корелин А.П., 2009. С. 245).

Кооперация как форма взаимодействия ссыльных в Сибири имеет к социальному вспомоществованию опосредованное отношение. Во-первых, вхождение в кооператив зачастую было формой политической активности, легальным прикрытием пропагандистской и иной запрещенной деятельности.

Во-вторых, открытость кооператива к вхождению в него новых пайщиков из числа местного населения разрушала условные границы между ссыльными и прочими жителями населенного пункта (или территории), что является одной из черт «колоний-коммун» ссыльных.

Доказательством различия кооператива и прочих форм социального взаимодействия ссыльных является ситуация, сложившаяся в селе Нижнеилимское Иркутской губернии в 1913 г. В перехваченном охранным отделением письме ссыльный, запрашивая у общины российских эмигрантов в Париже денежные средства на организацию трех кооперативов, говорил о том, что в селе из 85 ссыльных только 30 человек объединились в «колонию», еще 20 человек добывали средства путем трудоустройства на работы и, очевидно, не входили в объединение. Остальные ссыльные надеялись создать кооператив как иную форму объединений ссыльных, нежели «колония» (Сибирская потребительская кооперация..., 2012. С. 63).

Ссыльный социал-демократ Г.А. Мучник в своих мемуарах показывал обратную

ситуацию, когда вся «колония-коммуна» в селе Казачинское Енисейского уезда одноименной губернии включилась посредством решения своего коллегиального органа (бюро «колонии») в процесс организации потребительского кооператива (Мучник Г.А., 1935. С. 97). При этом «колония-коммуна» включала в себя социал-демократов и социалистов-революционеров. Исходя из текста мемуаров, кооператив решал не только свои узкие, формальные задачи по закупке продовольственных товаров, но и принимал резолюции по политическим вопросам. Мимикрия «колонии-коммуны» под личиной кооператива, таким образом, позволяет предположить, что такие организации играли и роль института социального вспомоществования.

Существовала третья ситуация, когда имеется и кооператив, и «касса взаимопомощи», однако для этого требовалось больше ресурсов, задействованных лиц и условия для конспирации. Это было затруднительно организовать в сельской местности. Так, в 1916 г. в Красноярске, помимо кооператива «Самодетельность», существовала и «Социал-демократическая касса взаимопомощи ссыльным», которая располагала средствами около 100 рублей и имела отдельный орган управления – «бюро» (Бакшт Д.А., Катцина Т.А., 2017. С. 45, 50).

Э.Ш. Хазиахметов замечал, что «партийная организация» ссыльных – достаточно условное обозначение и корректнее называть их «партийными группами», поскольку они вырабатывали свою позицию в «общеколониальных» объединениях (Хазиахметов Э.Ш., 1979. С. 88). В любом случае объединения по партийной принадлежности ссыльных редко можно отнести к институту социального вспомоществования, поскольку главным направлением финансов была организация побегов, которые рассматривались как один из методов борьбы с императорским режимом.

Сама форма беспартийной «колонии-коммуны» была неустойчива вследствие постоянных попыток самих ссыльных пе-

реселиться в сибирские города. Так, по свидетельствам мемуаристов в Минусинском уезде за 1910–1917 гг. существовало всего пять «коммун-колоний», среди которых наиболее устойчивой были общины в Минусинске и селе Григорьевка (Пузанов Д., 1928. С. 105–107).

2. Объединения по национальной принадлежности, «землячество».

«Колонии-коммуны», объединенные по национальному признаку были характерны, прежде всего, для общностей, бывших меньшинствами и имевших опыт устойчивых практик дискриминации: поляки, латыши, евреи. Они не называли себя «землячествами», однако, на наш взгляд, введение такого обозначения по аналогии со студенческими землячествами в университетах Российской империи позволит выделить их качественное отличие. Кроме того, землячества официально появились в дальнейшем в составе Всесоюзного общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев, но уже по признаку места отбытия наказания.

Объединения сибирских политических ссыльных в форме землячеств в конце XIX в. характеризовало, главным образом, осужденных за восстание 1863 г. в русской части Польши. В этой среде стало частым явлением появление касс взаимопомощи и объединений в местах компактного проживания (Иванов А.А., Кузнецов С.И., 2017. С. 368).

В период 1906–1908 гг. зафиксированы две польские «колонии-коммуны» на территории Туруханского края Енисейской губернии (Селиваниха и Мироедиха), еще одна – в Горном Зерентуе (Хазиахметов Э.Ш., 1979. С. 100).

В «колонию-коммуну» деревни Селиваниха входило восемь человек, проживавших в одном доме, по национальному составу поляков (за исключением одного еврея – Ш.А. Халисевича). Сословный и профессиональный облик был достаточно пестрым: присутствовали: дворянин (М.И. Коморницкий) и 2 крестьянина; 2 фабричных рабочих, мясник, машинист, слесарь и разнорабочие (ГАКК. Ф. 860.

Оп. 1. Д. 3. Л. 67). «Колония-коммуна» имела свое знамя (красное полотнище с лозунгом «*Wolność, Równość, Bratstvo!*») и единое представительство на Верхне-Инбатском съезде.

В селе Мироедиха Туруханского края «колония-коммуна» была расколота на «коммуны эсеров» и «коммуны поляков» (ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 3. Л. 64 об.). Польская «колония-коммуна» была малочисленной, состояла из 5 человек и имела напряженные отношения с эсерами (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1020а. Л. 116 об.). Она располагалась в отдельном помещении. При этом члены польского объединения не были единственными этническими поляками. Так, одним из лидеров местных эсеров был польский дворянин, член боевой фракции Польской социалистической партии, высланный в 1907 г. в Туруханский край – Р.И. Циборовский, и избранный в дальнейшем в Центральное бюро ссыльных Туруханского края (ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1).

Латышские «колонии-коммуны» ссыльных единично зафиксированы Э.Ш. Хазиахметовым в Томской губернии (Алатаев, Инкин, Колпашев, Тогур Нарымского края) Енисейской губернии (Богучаны и Яланское Енисейского уезда) и Иркутской губернии (Нижне-Илимск) (Хазиахметов Э.Ш., 1979. С. 100).

Латыши играли заметную роль в туруханской ссылке в 1906–1909 гг. Так, Я.Ф. Тиллок явился идейным вдохновителем и главным организатором Верхнеинбатского съезда «колоний-коммун» (ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 3. Л. 33). М.И. Зелтын был избран в состав Центрального бюро (Грингоф Х., 1928. С. 130). Также пользовался авторитетом среди ссыльных Х.С. Грингоф, в дальнейшем делегат Сибирской областной думы от Томского латышского национального совета (Сибирский предпарламент..., 2013. С. 280). Интересно, что в резолюцию по «библиотечному вопросу» было внесено, что допускаются к приобретению из средств кассы взаимопомощи книги на латышском и польском языках.

Примечательный случай был спровоцирован жандармерией Енисейской губернии в 1913 г. Один из офицеров по собственной инициативе написал письмо в Лондон латышскому эсеру Сидрабсу (англ. – *Sidrabs*) от имени вымышленных ссыльных латышей Туруханского края, которые якобы создали кассу взаимопомощи. Был выслан «устав», перепечатанный с изъятого при ликвидации настоящей «кассы взаимопомощи» ссыльных на Ангаре. В сравнительно короткий промежуток времени на указанный адрес были направлены денежные средства, нелегальная литература и адреса явок для побегов из Парижа, Лондона и Либавы (ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–17). Этот случай подтверждает, что было бы опрометчивым игнорировать «национальный» фактор в процессе вспомоществования политическим ссыльным.

В ряде населенных пунктов имелись «колонии-коммуны» евреев-бундовцев. Однако имеются значительные свидетельства, когда они входили в объединения ссыльных иных национальностей и партийной принадлежности.

Учитывая изложенное, «колонии-коммуны» по национальному признаку были, во-первых, малочисленными и редкими; во-вторых, подобное разделение не было принципиальным, а, скорее, ситуативным.

Кроме того, классификацию «колоний-коммун» можно провести как по масштабу объединения (в пределах одного населенного пункта, в пределах конкретного географического района), так и по характеру деятельности (активные/пассивные). Однако особого значения такие теоретические построения не имеют.

Гораздо существеннее **характеристика источников финансирования** касс взаимопомощи «колоний-коммун». К ним относятся:

- 1) взносы из личных денежных средств ссыльных или от перечислений их семей;
- 2) пожертвования эмиграции, политических и общественных организаций.

Крупные организации-доноры, которые отчисляли средства на вспомоществование

ссыльных, находились, в основном, за пределами Российской империи. К ним относились «политический» Красный Крест (Швейцария) и его многочисленные независимые друг от друга отделения (с 1906 г.) (Стрельникова Е.В., 2011. С. 78), Парижские комитеты помощи каторжанам и ссыльнопоселенцам (Франция, с 1910 г.), Межпартийный социалистический фонд помощи ссыльным и политзаключённым в России (Франция), Нью-Йоркское общество помощи жертвам русской революции (с 1911 г., США), Льежская сибирская касса (Бельгия), Краковский союз помощи политическим заключенным (с 1913 г., Австро-Венгрия) (Букин А.Ф., 2015. С. 51).

Объединяющим их признаком являлся принцип беспартийности участников обществ и адресатов их поддержки. Кроме того, все эти организации формально не были легализованы на территории Российской империи. Следует отметить, что российское правительство вообще настороженно относилось к любой форме коллективной деятельности, тем более – к зарубежным общественным организациям, имеющим в своем распоряжении финансы.

Так, например, циркуляром МВД с 1903 г. предписывалось пресекать деятельность сионистских зарубежных фондов (РГИА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 1а. Л. 184–185). С изданием Именного высочайшего указа правительствующему сенату о временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. деятельность сообществ, «управляемых учреждениями или лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели» была полностью запрещена (подпункт «б» пункта 6 статьи I).

В свою очередь, средства этих организаций также формировались за счет пожертвований или иной коммерческой деятельности (благотворительные баллы, творческие выступления, иное). При этом большинство таких фондов сужали свое целевое назначение лишь по корпоративному принципу (только ссыльным).

К 1914 г. деятельность зарубежных организаций развилась настолько, что выделились два фонда, через которые проводили свои ресурсы другие организации: Краковский союз и Парижский комитет. При этом они поделили между собой территории ответственности: первая организация отвечала за обеспечение адресной поддержки в Енисейской губернии и Якутской области, вторая – в Иркутской губернии и Забайкальской области (Стрельникова Е.В., 2011. С. 85).

Интересным фактом является то, что подобные общественные организации развили свою деятельность в те годы, когда почтовые отделения были поставлены под контроль не только существовавшим «черным кабинетам», но и территориальным органам Департамента полиции МВД в провинции. Кроме того, после 1905 г. эмиграция массово наполнилась лицами, которым материальная поддержка была более необходима, чем тем, кто отбывал наказание в Сибири (Badcock S., 2016, p. 4). Следовательно, возникает закономерный вопрос об эффективности этого института поддержки «колоний-коммун» до 1914 г.

Следовательно, по нашему мнению,

основным источником денежных средств на всем протяжении исследуемого периода явились собственные средства ссыльных и их семей, распределенные между остальными получателями поддержки. Эта гипотеза требует дальнейшего исследования, поскольку имеются противоположные примеры.

Так, достаточно сильными кассами взаимопомощи, пополняемыми за счет взносов работающих ссыльных по прогрессивной шкале, были в Минусинске (с 1911 г.), селе Григорьевка Минусинского уезда (с 1915 г.) Енисейской губернии (Пузанов Д., 1928. С. 98); селе Тайшет Иркутской губернии (с 1913 г.) (Водолазский А.Т., 1971. С. 86). При этом имеются сведения о материальной поддержке минусинцами из своих средств лиц, отбывающих наказание в Канском уезде Енисейской губернии или в Иркутской губернии (Пузанов Д., 1928. С. 98).

В тот же период времени в Канском уезде структура источников «касс» была несколько иной (табл. 1):

При этом сообщается, что наиболее стабильным источником по жертвованиям от организаций и частных лиц («с во-

*Таблица
Table*

№ п/п	Статьи доходов Item of expenditure	Объем денежных средств, руб. Amount of cash, rub.	Доля в структуре дохода, % Share in the structure of income, %
1	Остатки предыдущего периода (1915 г.) Remains of the previous period (1915)		
2	Членские взносы Membership fee	207,93	6,77
3	Процентные отчисления Interest Expenses		
4	Пожертвования от организаций и частных лиц Donations from organizations and individuals	2752,75	89,62
5	Средства от возврата выданных ранее ссуд Funds from repayment of loans previously issued	111,00	3,61
	ИТОГО: TOTAL:	3071,68	100

Составлено по: (Протопопов К., 1928. С. 133)

Compiled by: (Protoropov K., 1928. P. 133)

ли») были средства от Нью-Йоркского общества помощи жертвам русской революции. За 1911–1917 гг. фонд перевел в Канский уезд 4,92 тыс. руб., в то время как физические лица перечислили 1,165 тыс. руб.

Также видится перспективным детальное изучение структуры расходов как отдельных «колоний-коммун» ссыльных, так и их территориальных объединений. Это конкретизировало бы гипотезу о том, что рассматриваемая временная общность была, прежде всего, институтом социального вспомоществования, а не «орудием политического протеста». Перспективным доказательством данного положения послужили бы данные о заметном превалировании в структуре расходов средств, выделенных не на побег с мест отбытия наказания, а на вспомоществование нуждающимся.

Таким образом, «колонии-коммуны» являясь институтом социального вспомоществования, носили временный характер. Неустойчивые связи, вызванные финансовыми и бытовыми стеснениями ссыльных, не позволяли выстраивать работу таких образований за пределами конкретных индивидуальных соглашений. Попытки создать организацию за пределами одного населенного пункта были бесплодными за редкими исключениями.

Статья поступила 28.08.2017 г.

Библиографический список

Бакшт Д.А., Катцина Т.А. «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»: о состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33–56.

Букин А.Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917) : монография. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. 116 с.

Водолазский А.Т. Бельская ссылка // Каторга и ссылка. 1928. № 7. Кн. 44. С. 149–163.

Более устойчивой формой были партийные организации, концентрировавшие организационные и финансовые ресурсы в городах. Однако эти скудные ресурсы имели иное целевое назначение.

Межреволюционный период породил стихийно созданный институт социального вспомоществования, который стал своеобразной проверкой на прочность социальных и политических идеалов осужденных и административно высланных «политических преступников». Стремительный процесс падения имперских государственных институтов в ходе Февральской революции 1917 г. вывел людей с опытом и практиками, которые ранее были репрессированы по «политическим» мотивам. Таким образом, выработанный на окраинах Российской империи коллективный добровольный институт социального вспомоществования узкой корпорации лиц войдет в общегосударственную практику революционного государства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24002.

Article was received in August, 28, 2017

References

Baksh D.A., Kattsina T.A. "Power is atrophied, and we are on the verge of the abyss": on the state of the prerevolutionary society of Eastern Siberia following the results of the inspection of Colonel P.P. Zavarzin. 1916. *Istoriicheskii arkhiv* [Historical archive]. 2017, no. 1, pp. 33–56. (In Russian)

Bukin A.F. The contribution of political exiles to the culture of Western Siberia (1905–1917). Omsk: Omsk State Technology University Publ., 2015, 116 p. (In Russian)

Vodolazsky A.T. The Belsk exile. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1928, no. 7, book 44, pp. 149–163. (In Russian)

Водолазский А.Т. В Енисейской ссылке // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 130–137.

Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 592 с.

Грингоф Х. Туруханский съезд ссыльных в 1908 г. (воспоминания участника) // Каторга и ссылка. 1928. № 2. Кн. 39. С. 130–131.

Ермаковский Д.И. Туруханский бунт. М.-Л., 1930. 214 с.

Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 153 с.

Иванов А.А., Кузнецов С.И. К вопросу о пребывании ссыльных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.) // Сибирская ссылка : сборник научных статей. 2017. Вып. 8 (20). С. 349–371.

Иванов А.А., Новиков П.А. «Дайте мне волю – я научу вас свободу любить»: политические ссыльные в Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 1 (10). С. 69–84.

Казарян П.Л. Якутская ссылка: историко-юридическое исследование. Якутск : Якутский государственный университет, 1999. 192 с.

Кандаурова Т.Н. Благотворительность и меценатство // Россия в 1905–1907 гг. : Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 53–63.

Катцина Т.А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 4 (26). С. 204–207.

Vodolazsky A.T. In the Yenisei exile. *Voprosy istorii* [The Questions of History], 1971, no. 9. pp. 130–137. (In Russian)

Golovnev A.V. The phenomenon of colonization. Ekaterinburg: Ural Department of Russian Academia of Science Publ., 2015, 592 p. (In Russian)

Gringof H. Turukhansky congress of exiles in 1908 (memories of the participant). *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1928, no. 2, book 39, pp. 130–131. (In Russian)

Ermakovsky D.I. Turukhansky revolt. Moscow-Leningrad, 1930, 214 p. (In Russian)

Ivanov A.A. *Sibirskaya politicheskaya ssylka XVII – nachala XX v. v issledovaniyakh sovremennikov: uchebnoe posobie* [Siberian political reference XVII – early XX century in the studies of contemporaries: a manual]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2013, 153 p. (In Russian)

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. On the question of the exile of the exiled Poles – participants of the January rise in the Irkutsk province (1863–1883). *Sibirskaya ssylka* [The Siberian exile]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2017, iss. 8 (20), pp. 349–371. (In Russian)

Ivanov A.A., Novikov P.A. «If You Give Me a Will I Teach You How to Love Freedom»: Political Exiles in Siberia In 1914–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2014, no. 1 (10), pp. 69–84. (In Russian)

Ghazaryan P.L. *Yakutskaya ssylka: istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [The Yakutsk exile: historical and legal research]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., 1999, 192 p. (In Russian)

Kandaurova T.N. *Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo* [Charity and philanthropy]. *Rossiya v 1905–1907 gg.: Entsiklopediya* [Russia in 1905–1907: Encyclopedia]. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2016, pp. 53–63. (In Russian)

Kattsina T.A. «Need everything ...»: position of deportees of World War I in Eastern Siberia. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva* [Herald of KSPU named after V.P. Astaf'ev], 2013, no. 4 (26), pp. 204–207. (In Russian)

Катцина Т.А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 3. С. 5–16.

Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 391 с.

Кудряшов В.В. Опыт взаимодействия политических ссыльных в борьбе с царизмом в Восточной Сибири (1907–1917 гг.) // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. Т. 1. № 1. С. 244–250.

Логвинов В.К. Революционная печать Красноярска. Красноярск, 1950.

Макарчук С.В. Анархисты Томской губернии в начале XX в. // Труды Томского государственного университета. 2005. Т. 267. С. 105–108.

Максимова В.Н. Женская политическая ссылка в Восточной Сибири в начале XX века: стратегии выживания осужденных // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. Т. 1. С. 138–143.

Мучник Г.А. Двадцать лет партийной работы в Сибири и на Дальнем Востоке. М.: Издательство политкаторжан, 1935. 200 с.

Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2009. 500 с.

Нарымская ссылка (1906–1907 гг.): сборник документов и материалов о ссыльных большевиках / под ред. И.М. Разгона. Томск : Западно-Сибирское книжное изда-

Kattsina T.A. Criminal exile and problems of beggary in Siberian society in 19th – early 20th century. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship], Series: Russian History, 2010, no. 3, pp. 5–16. (In Russian)

Korelin A.P. *Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg.* [Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917]. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2009, 391 p. (In Russian)

Kudryashov V.V. The experience of interaction of political exiles in the struggle with tsarism in eastern Siberia (1907–1917). *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta* [Treatises of Bratsk State University]. Series: Humanities and Social Sciences, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 244–250. (In Russian)

Logvinov V.K. *Revolutsionnaya pechat' Krasnoyarska*. Revolutionary seal of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publ., 1950.

Makarchuk S.V. Anarchists of Tomsk province in the beginning of XX century. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Treatises of Tomsk State University]. 2005, vol. 205, pp. 105–108. (In Russian)

Maksimova V.N. Women's political exile in Eastern Siberia in the beginning of XX century: survival strategies for convicts. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta* [Treatises of Bratsk State University]. Series: Humanities and Social Sciences, 2013, vol. 1, pp. 138–143. (In Russian)

Muchnik G.A. *Dvadsat' let partiinoi raboty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Twenty years of party work in Siberia and the Far East]. Moscow: House of political exiles Publ., 1935, 200 p.

Nam I.V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom pereleme (1917 – 1922 gg.)* [National Minorities of Siberia and the Far East on the historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2009, 500 p. (In Russian)

Razgon I.M. *Narymskaya ssylka (1906–1907 gg.): sbornik dokumentov i materialov o ssyl'nykh bol'shevikakh* [The Narym Exile (1906–1907): a collection of documents and

тельство, 1970. 381 с.

Особые журналы совета министров Российской империи. 1917 год. М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. 303 с.

Протопопов К. Последний съезд ссыльных Приангарья // Каторга и ссылка. 1928. № 2. Кн. 39. С. 133–132.

Протопопов К. Съезд представителей касс взаимопомощи ссыльных Канского уезда // Каторга и ссылка. 1928. № 2. Кн. 39. С. 131–132.

Пузанов Д. Минусинская ссылка 1910–1917 г.г. // Каторга и ссылка. 1928. № 2. Кн. 39. С. 82–107.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография. Омск : Наука, 2013. 248 с.

Свердлова К.Т. Яков Михайлович Свердлов [Электронный ресурс]. URL: <http://politazbuka.info/biblioteka/115-texts/536-sverdlova-k-t-yakov-mihailovich-sverdlov.html> (Дата обращения 28.08.2017).

Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.) : сборник документов. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2012. 560 с.

Сибирский предпарламент. Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2013. 292 с.

Стрельникова Е.В. Политический Красный Крест в Российской империи и за рубежом (1906–1914) // Вестник Православного свято-тихвинского государственного университета. 2011. Вып. 1 (38). С. 77–88.

materials about the exiled Bolsheviks]. Tomsk: West-Siberian Publ., 1970, 381 p. (In Russian)

Osobyе zhurnaly soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1917 god [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1917]. Moscow: The Russian Political Encyclopedia Publ., 2009, 303 p.

Protopopov K. The last congress of exiles of the Angara region]. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1928, no. 2, book 39, pp. 132–133. (In Russian)

Protopopov K. Congress of representatives of mutual aid banks of the exiles of Kansk Uyezd. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1928, no. 2, book 39, pp. 131–132. (In Russian)

Puzanov D. The Minusinsk exile, 1910–1917. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1928, no. 2, book 39, pp. 82–107. (In Russian)

Remnev A.V., Suvorova N.G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the XIX – in beginning XX century]. Omsk: Nauka Publ., 2013, 248 p. (In Russian)

Sverdlova K.T. *Yakov Mikhailovich Sverdlov* [Yakov Mikhailovich Sverdlov]. (In Russian) Available at: <http://politazbuka.info/biblioteka/115-texts/536-sverdlova-k-t-yakov-mihailovich-sverdlov.html> (accessed August 28, 2017).

Siberian consumer cooperation at the turn of the epoch (1911–1931): collection of documents. Novosibirsk: Institute of History Siberian Bureau of Russian Academic of Science, 2012, 560 p. (In Russian)

Shishkin V.I. *Sbornik dokumentov i materialov Siberian Pre-parliament. Private meetings of members of the Provisional Siberian Regional Duma (June–August 1918)*. Collection of documents and materials. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013, 292 p. (In Russian)

Strelnikova E.V. *Political Red Cross in the Russian Empire and abroad (1906–1914)*. *Vestnik Pravoslavnogo svyato-tikhvinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Orthodox Holy Tikhvin State University], 2011, iss. 1 (38), pp. 77–88. (In Russian)

Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

Уголовное уложение. СПб. : Сенатская типография, 1903. 144 с.

Устав о ссыльных. Издание 1909 г. // Свод законов Российской империи: Полный текст всех 16 т., согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданный в порядке 87 статьи Основных Законов и поздними узаконениями. Неофициальное издание. Т. XIV / ред. И.Д. Мордухай-Болтовский. СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 226–262.

Хазиахметов Э.Ш. Партийные организации и группы политических ссыльных Сибири (1906 – февраль 1917) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 87–105.

Хазиахметов Э.Ш., Букин А.Ф. Протоколы III съезда политических ссыльных Тобольского уезда. 1–5 сентября 1906 г. // Омский научный вестник. 2002. Вып. 18. С. 12–18.

Чувашова Е.И. Ссыльные анархисты в Восточной Сибири 1907 – февраль 1917 годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995. 24 с.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В.П. Зиновьев. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.

Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных большевиков на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири (1907–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1987. 43 с.

Tumanova A.S. *Obshchestvennyye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Public organizations and the Russian public at the beginning of the XX century]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2008, 328 p. (In Russian)

Ugolovnoe ulozhenie [Criminal Code]. Sent-Petersburg, Senate Publ., 1903, 144 p. (In Russian)

Mordukhai-Boltovsky I.D. [The Charter of the exiles. The 1909 edition in: *Svod zakonov Rossiiskoi imperii: Polnyi tekst vsexh 16 t., soglasovannyi s poslednimi prodolzheniyami, postanovleniyami, izdannyi v poryadke 87 stat'i Osnovnykh Zakonov i pozdnimi zakonenyami. Neofitsial'noe izdanie* [The Russian Empire Code of Laws: The full text of all 16 vols, coordinated with the latest proceedings, decrees issued in the order of Article 87 of the Fundamental Laws and late editions. Unofficially publication. Vol. XIV]. St. Petersburg: *Deyatel'* Publ., 1912, pp. 226–262.

Khaziahmetov E. Sh. Party organizations and groups of political exiled Siberia (1906–February 1917)]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Revolutionary exile in Siberia (XIX century – February 1917)]. Iss. III. Irkutsk: 1979, pp. 87–105. (In Russian)

Khaziahmetov E.Sh., Bukin A.F. Protocols of the Third Congress of Political Exiles of Tobolsk Uyezd. September 1–5, 1906. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2002, Iss. 18, pp. 12–18. (In Russian)

Chuvashova E.I. *Ssyl'nye anarkhisty v Vostochnoi Sibiri 1907 – fevral' 1917 godov* [Exile anarchists in Eastern Siberia 1907 – February 1917]. Irkutsk: 1995, 24 p. (In Russian)

Shilovsky M.V. *Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Autograph Publ., 2015, 330 p.

Shcherbakov N.N. *Vliyanie ssyl'nykh bol'shevikov na klassovuyu bor'bu, obshchestvenno-politicheskuyu i kul'turnuyu zhizn' v Sibiri (1907–1917 gg.)* [The influence of the exiled Bolsheviks on the class struggle, socio-political and cultural life in Siberia (1907–

Badcock, S. A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2016. 226 p.

Phillips B. Political Exile and the Image of Siberia in Anglo-Russian Contacts Prior to 1917. PhD (Russian History) September 2016. 293 p.

Сведения об авторе

Бакшт Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и культурного наследия, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89, e-mail: baksh@kspu.ru

Критерии авторства

Д.А. Бакшт выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных обобщенных результатов подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1917)]. Irkutsk, 1987. 43 p.

Badcock, S. A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2016. 226 p.

Phillips B. Political Exile and the Image of Siberia in Anglo-Russian Contacts Prior to 1917. PhD (Russian History) September 2016. 293 p.

Information about the author

Dmitrii A. Baksht, PhD, Associate Professor of the Department of Museology and Cultural Heritage, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 89 Adi Lebedevoy Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation, e-mail: baksh@kspu.ru

Attribution criteria

Baksht D.A. made the scientific research work, on the basis of the received generalized results prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.